

Бажанов Александр Евгеньевич

ИДИОМА КАК ТОЧКА ПЕРЕСЕЧЕНИЯ КОНЦЕПТОВ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОЙ ИДИОМЫ NUR BAHNHOF VERSTEHEN)

В данной статье рассматривается процесс формирования концептосферы немецкого лингвоэтнокультурного сообщества. Как показывает исследование полисемии идиом с ключевым словом "Bahnhof", идиомы играют важную роль в этом процессе, не только закрепляя в языке определенное членение и категоризацию объектов национальной действительности, то есть означивая определенные концепты, но и вербализуя связи между отдельными концептами, в том числе между концептами ментальной сферы и концептами мира артефактов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/1-2/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (31): в 2-х ч. Ч. II. С. 32-35. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81-11'373.7

Филологические науки

В данной статье рассматривается процесс формирования концептосферы немецкого лингвоэтнокультурного сообщества. Как показывает исследование полисемии идиом с ключевым словом «Bahnhof», идиомы играют важную роль в этом процессе, не только закрепляя в языке определенное членение и категоризацию объектов национальной действительности, то есть означивая определенные концепты, но и вербализуя связи между отдельными концептами, в том числе между концептами ментальной сферы и концептами мира артефактов.

Ключевые слова и фразы: концепт; концептосфера; концептуальное пространство; семантическое пространство языка; языковая картина мира; идиома; «входы» в концепт.

Бажанов Александр Евгеньевич

Московский городской педагогический университет

briefs@yandex.ru

**ИДИОМА КАК ТОЧКА ПЕРЕСЕЧЕНИЯ КОНЦЕПТОВ
(НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОЙ ИДИОМЫ *NUR BAHNHOF VERSTEHEN*)[©]**

Термин «концепт» продолжает оставаться в центре внимания лингвистов, несмотря на достаточно долгую историю когнитивных исследований и значительное количество предложенных подходов к его трактовке (Э. И. Глинчевский, например, выделяет 6 разных подходов к пониманию концепта [2]). Тем не менее, ученые сходятся не только в том, что концепт является «единицей концептуальной системы человека», «оперативной сущностью нашего сознания, выступающей во всех мыслительных (ментальных) действиях и процессах» [5, с. 43], но и говорят о коммуникативной значимости концепта.

Так, например, С. Г. Воркачев обращает внимание на то, что концепт, оказываясь вовлеченным в разнообразные формы мыслительной деятельности человека, является еще и фактом культуры, детерминирующим поведение человека и содержащим в себе чувственно-образные компоненты [1]. О вовлеченности концепта в коммуникативную ситуацию пишут В. А. Пищальникова и Ю. А. Сорокин [9], В. Г. Зинченко, В. Г. Зусман и З. И. Кирнозе [3], на взаимосвязь концептов и – шире – концептуальной системы и поведенческих реакций (инстинктов) людей указывает И. А. Стернин и другие лингвисты, например, С. Х. Ляпин [7], Ю. Е. Прохоров [11].

На включенность концепта в разные сферы бытия человеческого духа обращает внимание В. И. Карасик, который предлагает считать «концепты первичными культурными образованиями, выражением объективного содержания слов, имеющими смысл и потому транслируемыми в различные сферы бытия человека, в частности, в сферы преимущественно понятийного (наука), преимущественно образного (искусство) и преимущественно деятельностного (обыденная жизнь) освоения мира» [4, с. 123].

Концепты как элементы культуры (в широком понимании этого слова) определенного лингвоэтнокультурного сообщества не существуют разрозненно и независимо друг от друга, но складываются в систему концептов или концептосферу. Как отмечает Д. С. Лихачев, концептосфера – это совокупность концептов нации, она образована всеми потенциями концептов носителей языка. Концептосфера шире семантической сферы, представленной значениями слов языка. Чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, религия, тем богаче концептосфера народа [6, с. 5].

З. Д. Попова и И. А. Стернин дают следующее определение концептосфере: «*Концептосфера* – это чисто мыслительная сфера, состоящая из концептов, существующих в виде мыслительных картинок, схем, понятий, фреймов, сценариев, гештальтов (более или менее сложных комплексных образов внешнего мира), абстрактных сущностей, обобщающих разнообразные признаки внешнего мира. Концептосфере принадлежат и когнитивные классификаторы, способствующие определенной, хотя и не жесткой организации концептосферы» [10].

Наряду с термином «концептосфера» в лингвистической литературе встречаются также и такие термины, как «картина мира», «научная картина мира», «логическая картина мира», «образ мира», «модель мира», «наивная картина мира», «языковая картина мира», «языковая репрезентация мира» и др., при этом концепт, как правило, оказывается базовой единицей обозначаемых этими терминами совокупностей представлений человека о мире, которые складываются в результате взаимодействия человека и мира.

Хотя нельзя говорить о существующей в лингвистической литературе терминологической путанице, тем не менее, на наш взгляд, обнаруживается явный избыток терминов при недостатке означаемых ими объектов лингвистического исследования. Так, например, В. А. Маслова считает синонимичными такие термины, как «языковая картина мира», «языковой промежуточный мир», «языковая репрезентация мира» и «языковая модель мира» [8]. В свою очередь, синонимами можно считать и такие термины, как «картина мира», «образ мира» и «модель мира», синонимами, конечно, не полными, но идеографическими.

Употребляя один из приведенных выше терминов, ученый именуется одно и то же явление ментальной сферы человека, меняя при этом угол зрения. Возможной причиной преимущественного использования одного из перечисленных терминов могут быть и языковые пристрастия ученого, его языковые предпочтения, близость и удобность для ученого определенного термина. Так, например, обращает на себя внимание, что одним из первых

термин «картина мира» в научный оборот ввел ученый-физик Альберт Эйнштейн, в то время как одним из первых ученых, предложивших термин «образ мира», был известный советский психолингвист А. Н. Леонтьев.

Вместе с тем в отечественной лингвистической литературе можно обнаружить и две терминологические оппозиции: с одной стороны, ученые пишут о необходимости различать «научную» и «наивную» картины мира, с другой стороны, в лингвистической литературе можно встретить противопоставление «концептуальной сферы / пространства» и «семантического пространства языка / пространства языковых значений».

В какой-то степени эти две оппозиции пересекаются. В то же время нельзя не подчеркнуть то обстоятельство, что противопоставление «концептуальной сферы» и «семантической сферы языка» имеет давнюю традицию в европейских и американских когнитивных исследованиях: суть расхождения сторонников холистического и модулярного подходов в когнитологии и когнитивной лингвистике заключается в том, считать ли систему концептов (=концептосферу) и систему языковых значений (=семантическую сферу языка) одной единой системой или же двумя разными, но, безусловно, взаимосвязанными.

Вслед за З. Д. Поповой и И. А. Стерниным нам представляется оправданным снятие оппозиции «научная картина мира» – «наивная картина мира», но не отказ от оппозиции «концептуальное пространство» – «семантическое пространство языка». В качестве весомого аргумента для различения концептуального и семантического пространств можно вслед за З. Д. Поповой и И. А. Стерниным привести тот факт, что не всегда содержание концепта вербализовано, то есть может быть выражено средствами языка. Кроме того, допущение множества «входов» в концепт предполагает асимметрию семантической и концептуальных систем: содержание концепта может быть оязыковано как рядом языковых единиц одного уровня, так и разноуровневыми языковыми единицами. Кроме того, «*семантическое пространство языка*... в современной лингвистике оказывается синонимичным понятию *языковая картина мира*» [10].

Одним из средств создания языковой картины мира являются номинативные единицы языка: лексемы, устойчивые номинации, фразеологизмы, то есть те средства языка, которые фиксируют то или иное членение и классификацию объектов национальной действительности. Отличительной особенностью фразеологизмов, особенно с высокой степенью идиоматичности, а также языковых единиц, являющихся результатом вторичной или косвенной номинации, на наш взгляд, является не просто фиксация того или иного членения и классификации объектов национальной действительности, но и вербализация отношений, возникающих между базовыми элементами концептуальной сферы – концептами.

В качестве примера приведем немецкую идиому «(immer) nur (noch) Bahnhof verstehen», значение которой толковые и фразеологические словари немецкого языка определяют как «понимать неправильно; совсем не понимать; не желать понимать» (смотри, например, [12]). Обращение к корпусу письменных текстов современного немецкого языка, так называемому корпусу *DEREKO*, расположенному в Институте немецкого языка в г. Мангейме (ФРГ), позволяет, однако, выяснить, что данная идиома обнаруживает более развитую полисемию, приобретая в отдельных контекстах такие значения, как «не разбираться в чем-то», «растеряться / не сориентироваться», «делать вид, что не понимаешь, о чем речь», «запутаться», «не знать, что сказать», «не замечать» и некоторые другие.

В приведенном ниже контексте, речь в котором идет о переносе столицы ФРГ из Бонна в Берлин и, соответственно, о связанном с этим переезде большей части чиновников из относительно большого Бонна в крупный мегаполис Берлин, данная идиома реализует значение «растеряться, не знать, что делать дальше», о чем свидетельствует упоминание автором статьи небезызвестного французского драматурга, автора целого ряда комедий положений и водевилей Э. М. Лабиша:

Die Berliner malen sich den Umzug der Bonner gern als eine Komödie von Labiche aus, die dem beliebten Erzählmodell folgt: Reicher Bauer kommt in die Hauptstadt und versteht nur Bahnhof. Diese Assoziation ist in ihrem ersten Teil brauchbar, geht aber trotzdem fehl: Sie unterschlägt den Umstand, daß die "Hauptstadt" in hohem Maß verbauert ist. Muß man daran erinnern, daß West-Berlin das pro Einwohner höchste Hundekotaufkommen der Welt aufweist [15, S. 63]? / Жители Берлина рисуют себе переезд жителей Бонна как комедию Лабиша, которая строится по излюбленному сценарию: богатый крестьянин приезжает в столицу и теряется. Эта ассоциация в первой своей части еще как-то похожа на правду, но только похожа. Не нужно забывать о том, что «столица» в значительной степени все-таки большая деревня. Надеюсь, не нужно напоминать, что Западный Берлин находится на первом месте в мире по количеству собачьих экскрементов в расчете на одного жителя? (Здесь и далее перевод автора – А. Е.)

Наличие подобных значений у идиомы «(immer) nur (noch) Bahnhof verstehen» позволяет сделать вывод о том, что данная идиома является вербализатором не только концепта «(не)понимание», но и таких концептов, как «внимание», «ошибка», «растерянность», «симуляция / обман / заблуждение». Кроме того, близость выявленных нами значений идиомы приводит не только к тому, что в отдельных контекстах идиома допускает два или более фигуральных прочтения, но и к тому, что в отдельных случаях сложно четко и определенно сказать, какой из перечисленных выше концептов идиома вербализует в данном контексте.

Таким образом, идиома «(immer) nur (noch) Bahnhof verstehen» выступает точкой пересечения нескольких концептов как минимум в следующих двух аспектах: во-первых, форматив данного языкового знака, являющийся связующим звеном для всех возможных семантических вариаций, оказывается вербализатором, точкой «входа» не в один, а в несколько концептов. Во-вторых, близость значений данной идиомы и в большей степени апелляция в отдельных случаях / контекстах сразу к нескольким аспектам ситуации означают апелляцию через идиому к нескольким концептам одновременно в границах одного контекста:

...Nach dem vielen Gezerre, das es mit den chinesischen Behörden um Zhang Yimous neuen Film «Shanghai Triad» gab, waren die Erwartungen hoch. Die erste Einstellung ist symptomatisch für das Ganze: Großaufnahme

vom etwas blöd-erstaunten Gesicht eines Jungen, der gerade in Schanghai angekommen ist und **nur noch Bahnhof versteht** [14, S. 17]... / После всех препон, которые чинили китайские ведомства новому фильму Чжана Имоу «Шанхайская триада», ожидания были большими. Первый кадр очень показателен для всей картины: крупный план лица юноши с придурковато-удивленным выражением лица, он только что приехал в Шанхай и не понимает, что происходит вокруг...

В приведенном выше примере идиома «nur noch Bahnhof versteht» указывает на следующую ситуацию – «недостаток опыта как причина непонимания происходящего вокруг, а вследствие этого удивление», апеллируя, тем самым, к трем концептам: «неопытность», «непонимание», «удивление».

Однако нельзя не отметить, что существует и третий аспект пересечения концептов. Идиома «(immer) nur (noch) Bahnhof verstehen» фиксирует результаты и несколько иного процесса концептуализации: процесса переосмысления, надления смыслом такого объекта материального мира, как «Bahnhof» (вокзал). Мотивирующей базой таких значений идиомы, как «растеряться, не сориентироваться», является представление о царящем на вокзале хаосе и столпотворении. Этот образ, являющийся частью повседневного опыта человека (опыта его «взаимодействия» с вокзалом), его бытовой когницией, входит в значение идиомы в качестве одной из периферийных сем.

Подтверждением устойчивости этого образа в коллективном (бес)сознательном немецкого лингвоэтнокультурного сообщества служат отобранные нами из корпуса *DEREKO* сравнительные («вокзал как А») и квалифицирующие («вокзал есть А») конструкции, частью которых являлось имя существительное «Bahnhof» и в которых обнаруживается апелляция к данному образу через сравнение вокзала с поздним Римом (пример ниже), ярмарочной площадью, восточным базаром и даже с шабашем ведьм:

...Jetzt ist es **im Bahnhof wie im alten Rom**, alle Völker scheinen vertreten zu sein: so muß es ausgesehen haben in den Gassen der Subura um die Zeit des Augustus, Afrikaner in wallender Kleidung, Inder mit düsteren Adlerprofilen, glatte, zierliche Ostasiaten, weißwimprige Skandinavier und Muttergottheiten aus dem Maghreb mit einem Zeichen auf der Stirn tätowiert. Kaum kommt ein Sonnenstrahl durch die verdrehte Glaskuppel, schon explodieren die Turbane, die Schals, die Galabiyas, die Plastikplanen und die Anoraks in eine Lichtapotheose, alles flammt plötzlich in den Farben von Delacroix, der Sandwich-Verkäufer, der Gepäckträger und sogar der Ganove bekommen goldene Heiligenscheine. Wie auf jedem Bahnhof sind hier die kleinen Drogenhändler und Taschendiebe, mit oder ohne Lichtkranz, zahlreich [13, S. R1]. / Теперь вокзал похож на поздний Рим: такое ощущение, что здесь собрались представители всех народов: так, наверное, выглядели небольшие улочки в Субуре во времена правления Августа, африканцы в струящихся одеждах, мрачноватые индусы с благородным профилем лиц, грациозные выходцы из Восточной Азии с гладкой кожей, скандинавы с белыми ресницами и божественные создания из Магриба со знаком-татуировкой на лбу. Едва только луч солнца пробивается сквозь грязную стеклянную крышу, он заставляет «вспыхнуть» разными цветами тюрбаны, шарфы, полиэтиленовые накидки и куртки с капюшонами, как на картинах Делакруа; у продавца сэндвичей, носильщика и даже мошенника появляется «нимб» из солнечных лучей. Как на любом вокзале здесь хватает драгдилеров и карманников, но уже без «нимба» из солнечных лучей.

Резюмируя все вышесказанное, можно говорить об идиоме не только как о точке опосредованного пересечения концептов ментальной сферы, вербализатором которых она выступает, но и как о точке непосредственного пересечения, взаимосвязи концептов ментальной сферы и концептов мира артефактов: наличие подобных устойчивых связей свидетельствует, в свою очередь, о значимости объекта из мира артефактов (в случае с идиомой «(immer) nur (noch) Bahnhof verstehen» таким объектом из мира артефактов будет «Bahnhof» (вокзал)) для определенного лингвоэтнокультурного сообщества, о появлении у этого объекта из мира артефактов культурно-ценностных смыслов.

Список литературы

1. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64-72.
2. Глинчевский Э. И. Вербализация концепта «международный терроризм» в русском и английском языках (на материале медиатекстов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007. 24 с.
3. Зинченко В. Г., Зусман В. Г., Кирнозе З. И. Межкультурная коммуникация: от системного подхода к синергетической парадигме: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2007. 220 с.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
5. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
6. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1993. Т. 52. № 1. С. 3-9.
7. Ляпин С. Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центркоцепта. Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та, 1997. Вып. 1. С. 11-35.
8. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2011. 296 с.
9. Пищальникова В. А., Сорокин Ю. А. Введение в психолингвистику. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1993. 211 с.
10. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика [Электронный ресурс]. URL: <http://zinki.ru/book/kognitivnaya-lingvistika> (дата обращения: 26.10.2013).
11. Прохоров Ю. Е. В поисках концепта. М.: Флинта; Наука, 2006. 176 с.
12. Der Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache. Die umfassende Dokumentation der deutschen Gegenwartssprache [Электронный ресурс]. 4. Auflage, eine CD-ROM-Ausgabe. Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich: Dudenverlag, 2013.
13. Die Frankfurter Allgemeine. 1993. № 286. 09 Dezember.
14. Gute Männer und Frauen // Die Tageszeitung. 1995. 26 Mai.
15. Über Chancen und Risiken beim Umbau Berlins // Der Spiegel. 1993. 24 Mai.

**IDIOM AS POINT OF CONCEPTS INTERSECTION
(BY EXAMPLE OF GERMAN IDIOM *NUR BAHNHOF VERSTEHEN*)**

Bazhanov Aleksandr Evgen'evich
Moscow City Pedagogical University
briefs@yandex.ru

In the article the formation process of the concept sphere of the German linguo-ethno-cultural community is considered. As the polysemy research of idioms with the key word –Bahnhof’ shows, idioms play an important role in this process not only fixing the definite segmentation and categorization of national reality objects in the language that is naming certain concepts but verbalizing connections between separate concepts including the ones of mental sphere and artifacts world.

Key words and phrases: concept; concept sphere; conceptual space; semantic space of language; language picture of the world; idiom; –entries” into concept.

УДК 81-11

Филологические науки

В статье подробно рассматривается репрезентация русского национально-специфического концепта «тоска» в идиостиле Ф. М. Достоевского (на материале романов «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Бесы», «Подросток»). На основе проведенного анализа автор статьи делает вывод о том, что писатель не только отражает признаки этого концепта, характерные русской языковой картине мира, но и наполняет его новыми компонентами значения, что позволяет говорить о глубоком проникновении в менталитет русского народа и отнести концепт «тоска» к индивидуально-авторским концептам Ф. М. Достоевского.

Ключевые слова и фразы: менталитет; особенности национального менталитета; концепт «тоска»; индивидуально-авторский концепт; национально-специфичный концепт.

Бокова Оксана Александровна

Липецкий государственный педагогический университет
oxisupergirl88@mail.ru

КОНЦЕПТ «ТОСКА» В ИДИОСТИЛЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО[©]

Одним из национально-специфичных концептов русского народа, отражающих его мировидение и национальный менталитет, является «тоска». Ю. С. Степанов в своем фундаментальном труде «Константы: словарь русской культуры» [11], посвященном разработке концептов русской культуры, отдельно выделяет концепты, получившие особые русские «собственные имена», к числу которых относит тоску. По мнению А. Д. Шмелева, это слово «ярко отражает специфику русской ментальности и соответствует уникальному русскому понятию» [12, с. 359]. Исследователь считает, что тоска – это «то, что испытывает человек, который чего-то хочет, но не знает точно, чего именно, и знает только, что это недостижимо. А когда объект тоски может быть установлен, то это обычно что-то утерянное и сохранившееся лишь в смутных воспоминаниях» [13, с. 50-51].

Тоска не просто «тяжелое гнетущее чувство», «душевная тревога», как это определяется в словарях [10, с. 389]. Душевная тревога, несомненно, присуща представителям всех народов. Тоска же – одно из проявлений широты русской души, ключевая идея русского менталитета. Она представляет собой не столько чувство, сколько общее состояние души. Неудивительно поэтому, что этот концепт занимает значимое место в идиостиле (идиостиль понимается нами как совокупность речетекстовых характеристик отдельной языковой личности) одного из наиболее «русских» писателей – Федора Михайловича Достоевского. Герои Достоевского часто тоскуют, тоска мешает им жить, сопровождая их повсюду. Можно говорить о том, что практически в каждом романе «Великого Пятикнижия» есть «тоскующие» герои, однако в жизни некоторых из них тоска появляется эпизодически и не проявляет национально специфичных признаков, в то время как для других героев тоска – нечто более глубокое, сущностное, они тоскуют «по-русски». К таким героям относятся Родион Раскольников, Иван Карамазов, Андрей Петрович Версилов, Николай Ставрогин. У каждого из них – своя тоска, которая представляет собой словно деталь мозаики, и все вместе они могут дать целостное представление о тоске как исключительно русском чувстве.

Тоска сопровождает героя романа «Преступление и наказание» Родиона Раскольникова на всем протяжении романа, от первой и до последней страницы. Слова с корнем *-тоск-* в связи с именем Раскольникова используются в романе около двадцати раз. Тоска Раскольникова – *безвыходная, страшная, холодная, мрачная, мертвящая, судорожная, сосредоточенная*. Интересно, что последние три эпитета являются индивидуально-авторскими, в то время как все остальные соответствуют русской языковой картине мира, что зафиксировано в Словаре эпитетов русского литературного языка К. С. Горбачевича, Е. П. Хабло [3, с. 456].